

Российский властно-политический дискурс и культура переговоров:

проблемы стабильности.

Н.Г. Чевтаева

Наша речь являет нам наше бытие, раскрывает нам самим нашу сущность, - так справедливо изрекал в свое время Мартин Хайдеггер. Мысль, вроде бы, простая, но она таит в себе столько мудрости и сложности одновременно. Особенно, когда предметом изучения становится огромное, многоаспектное, разноуровневое и далеко не однозначное информационное поле современного российского политического дискурса.

Надо суметь извлечь из этого массива то, что действительно является главным, отсечь то, что обречено быть сиюминутным, привходящим. Именно благодаря объективному профессиональному анализу современной российской политической риторики, можно понять, какие проблемы общественной жизни сегодня находятся на социальной повестке дня, какие методы разрешения этих проблем представляются населению приемлемыми и оправданными. Только такое реальное знание о политических ориентациях общества дает обоснованное представление о том, какие социальные потребности являются ведущими, какие общественные ожидания необходимо учитывать при разработке и реализации социально-политических программ. Речь идет о постижении *подлинного смысла* доминирующих политических умонастроений.

Опросы общественного мнения россиян выявляют знаковую ситуацию:

независимо от политических предпочтений различных социальных групп и слоев, население в целом тяготеет к одному и тому же набору положительно воспринимаемых политических клише, штампов, стереотипов. В общественном сознании преобладает достаточно унифицированный своего рода *мультиидеологический* настрой. В господствующем политическом дискурсе сложился своеобразный синтез мирно уживающихся, вроде бы, разнонаправленных политических ориентаций. Конечно, существуют и различные маргинальные группы с доминированием протестных, а то и девиантных настроений, но они находятся на обочине общественной жизни и погоду в атмосфере общепринятого российского политического дискурса не делают. Общая же картина такова: респонденты, не мудрствуя лукаво, выбирают из предложенного им набора политических заявлений (а это программные установки разных политических партий) нечто усредненное. И в этом мультиидеологическом дайджесте спокойно соседствуют одобрение рыночной экономики и наведение общественного порядка, свобода слова и сильная государственная власть, политический плюрализм и государственное регулирование общественной жизни. Практически невозможно выявить «чисто» демократические, консервативные,

либеральные настроения и т.д. Общественное сознание одновременно одобряет и приемлет, вроде бы, противоречащие друг другу социально-политические технологии. Одобрение рыночных реформ, частной собственности, конкуренции, инициативы сопровождается почти что патерналистскими ожиданиями государственных гарантий, надеждами на всестороннюю государственную опеку и поддержку.

Большинство россиян, с одной стороны, не хотят возврата к тоталитарным временам (свобода слова, печати, плюрализм мнений считаются важными, необходимыми ценностями, которые нельзя отменить) и, в то же время, в общественном сознании преобладают тенденции к наведению порядка, к сильной государственной власти, способной бороться с криминалом и нарушением законности. Очевидно, что можно с большой долей уверенности предположить (именно на основе анализа политической риторики современного российского общества), что в обществе ослабевает дух конфронтации, истощаются былые запасы радикализма, начинает уходить в прошлое фатальное отчуждение народа от власти. Преобладает здоровый *социальный прагматизм*. Большинство россиян адаптировалось к рыночной экономике, привыкло полагаться на собственные силы, но, вместе с тем, люди не приемлют то, что в современном российском лексиконе обозначено точным и емким, некогда жаргонным, термином - беспредел. Население не хочет возврата к «мутным» беспредельным временам разгула приватизаторов и криминальных авторитетов, построения финансовых пирамид и беспрепятственного утверждения наркомафии, парадов суверенитетов и галопирующей инфляции. Доминирует настроение, что пора навести порядок, нужна *сильная государственная власть*, в обществе должна утвердиться *настоящая социальная стабильность*.

Практика выборов последних лет показывает, что электорат голосует не за ту или иную политическую идею, программу, а за ту политическую силу, которая в состоянии репрезентировать себя как *партия власти*. Наличие власти, способной реально воздействовать на социальные процессы, утверждать властно-политическую волю, наводить порядок – вот к чему склоняется общественное мнение россиян. Сейчас тот лидер имеет шансы достичь наиболее высокого рейтинга популярности, который способен претендовать на роль политического лидера нации, заявить о себе как о символе власти.

В этом смысле весьма показательной оказалась победа на президентских выборах партии «Единство». Еще на слуху недоумения политических оппонентов – Зюганова, Явлинского, – возмущавшихся победой, вроде бы, искусственно созданной, почти что «виртуальной партии», у которой «еще вчера» не было ни четкой программы, ни организационной структуры. Позитивная креативность политического хода заключалась в том, что политтехнологи, создатели «Единства» очень чутко уловили настроения электората, его потребность в сильной государственной власти, в наведении порядка, и смогли этот общественный порыв перевести в понятный и простой для электората язык политических формул и конструкций. Сработал профессионализм аналитиков политической риторики, который и заключается в том, чтобы суметь уловить общезначимые тенденции, понять господствующий мультиидеологический набор, ожидания народа и выдвинуть политические лозунги, соответствующие им. Сегодня население выбирает не программы, не стремится разобраться в специфике столь однотипных предвыборных обещаний разных политических структур, население делает свой выбор в пользу партии власти. Ориентация на властные начала, на социальную стабильность оказывается определяющей.

Итак, население поворачивается в сторону власти. Насколько власть в лице ее государственного аппарата готова к этим ожиданиям, проявляет ли стремление сделать ответный шаг навстречу своему народу? И здесь мы с сожалением отмечаем проявление негативных тенденций в самой власти, которые находят свое отражение и в политическом дискурсе. Бюрократический аппарат стремится навязать обществу свой собственный интерес как, якобы, всеобщий.

Современные исследования российской бюрократии отмечают ряд типичных для российского чиновничества негативных характеристик.

Это и *безразличие к социальному смыслу, назначению своей служебной деятельности*. Чиновник, призванный служить интересам населения, воспринимает его как некий отвлекающий от работы фактор. Посетителю можно сказать: «Не мешайте нам работать!» За простым человеком прочно закрепляется роль просителя, ходатая. Сравните эту ситуацию с работой коммерческой структуры, вынужденной работать в условиях жесткой конкуренции. Согласитесь, что там иначе разговаривают с клиентами, там организация - для клиента, там будут бороться за клиента и ориентироваться на его запросы.

Это и *отношение к служебной иерархии не как к фактору рациональной организации, но как к самостоятельной и даже самодовлеющей ценности, что и проявляется в изначальной ориентации на мнения начальника*. Чтобы понравиться начальнику чиновник стремится думать и рассуждать, имитируя логику и речь своего начальника, согласно известному принципу: «начальству виднее». В этом плане показательна манера придавать некоторым словам и выражениям смысл, отличный от общепринятого. Например, характеристика работника как «молодого» содержит оттенок

уничижительности, намек на его незрелость, а клише типа «плохой товарищ», «неуживчивый» обозначают человека, не склонного следовать нормам бюрократической этики.

Это и *«функциональное» сознание*. Оно предполагает отключение гражданских чувств и нравственных принципов при выполнении служебных обязанностей или даже их полную атрофию. В своих действиях такой чинуша руководствуется лишь формальными указаниями и карьерными соображениями. При этом он монополизировал свое право на обладание истиной. Спор он ведет по принципу: если ты думаешь не так, как я, значит ты не прав. В риторике этот принцип получил название «бинарная оппозиция», когда есть мое - правильное суждение и твоё - неправильное суждение. «А почему оно не правильное», - можно задаться вопросом? А потому, что оно противоречит моему. Другой аргументации мы не услышим. Такой спор не предполагает обсуждения различных вариантов решения проблемы, а превращается в состязание воли и выяснения того, кто прав.

Это и *процесс «фильтрации информации»*: информация, передаваемая сверху вниз, частично сжимается, упрощается, дополняется комментариями. Известно, как обычно замечание, скажем, президента, истолковывается, перетолковывается и из него выжимается возможный и невозможный смысл. Превалирует желание заслужить расположение тех, кто находится у власти. Поэтому наверх поднимается информация, содержащая преимущественно положительные сведения.

Эти негативные характеристики российского чиновничества являются «тромбами», «закупорками» в отношениях власти и народа, не позволяют им вести конструктивный диалог.